

Уже давно поседели те юноши и девушки, кто помнит, как колонны ветеранов Великой Отечественной войны в День Победы шли по главным улицам городов нашей огромной страны. До сих пор в моей памяти в ясный солнечный день они идут по широким, празднично украшенным улицам, сверкая своими орденами и медалями.

Им аплодировали люди, стоящие на обочинах, дарили цветы и улыбки, произносили слова благодарности.

Школьники участвовали в соревнованиях с названием «Эстафета Победы». Накануне пионеры посещали братские захоронения советских солдат, погибших при освобождении города Кременец (Тернопольская область, Украина), где я учился. Мы стояли в торжественном карауле возле длинного ряда мемориальных досок с именами похороненных бойцов.

Недалеко от братской могилы высились гранитные плиты с именами жителей города, замученных бандеровцами. Помню, меня поразило, что принявшему смерть от рук ОУНовских (организация украинских националистов – **экстремистская организация, запрещенная в России**) извергов пареньку, судя по надписи на памятной плите, было всего десять лет.

Вечером в каждой семье накрывался праздничный стол, за которым собирались все родственники. Моя мама не сдерживала слез, отец поднимал тост: «За Победу!», а затем поминали тех, кто не вернулся с той страшной войны.

Пожалуй, это был единственный праздник в моей памяти, где слез за столом было больше, чем улыбок.

Четыре моих деда воевали, и все они призывались из рабочего поселка Таврический Омской области. Дедушка по отцовской линии Скалацкий Роман Игнатович принял участие в Советско-финской и Великой Отечественной войне. С последней войны он вернулся с медалью «За отвагу» и тяжелой контузией. Недолго ему довелось пожить,

он умер еще до моего рождения.

Дедушка по материнской линии Харенко Степан Федотович на Советско-финской войне обморозился, заболел тяжелым воспалением легких, переросшим в туберкулез, и по возвращении домой через полгода умер.

Следом за ним ушла моя бабушка Харенко Любовь Андреевна, в девичестве Зюбина, тоже заразившись туберкулезом.

Моя мать в трехлетнем возрасте и ее младшая полуторагодовалая сестра остались круглыми сиротами. Их на воспитание взял мой дедушка Зюбин Кузьма Андреевич. Через полгода вместе со своим младшим братом Зюбиным Василием Андреевичем они добровольцами ушли на фронт. И тот и другой провоевали «от звонка до звонка», не получив ни одной царапины.

Василий Андреевич вернулся с войны в звании старшего сержанта кавалером орденов Красного знамени и Великой Отечественной войны II степени. После войны погиб при невыясненных обстоятельствах, задолго до моего рождения.

Кузьма Андреевич дослужился до старшего лейтенанта, был награжден орденом Красной Звезды, а уже после войны медалью «За оборону Ленинграда». Он воевал на Карельском фронте и возил продукты в блокадный Ленинград. А оттуда вывозил больных, раненых и детей. Он был единственным родным мне человеком, который знал войну не понаслышке, но рассказывать о ней не любил. Приглашения на торжественные мероприятия, посвященные Дню Победы, отклонял.

Мне посчастливилось услышать от него отрывочные рассказы, как они добирались по дороге жизни до Ленинграда и обратно. Двери кабины в автомобиле всегда держали открытыми, чтобы успеть выскочить, если машина начнет уходить под лед. Самыми опасными были незаметные глазу воронки, затянутые тонким льдом и покрытые снегом. За год войны из всего автозвода в живых остался он один.

Дед Кузьма, как и всякий сибиряк, был физически очень силен. Мама рассказывала, что ударом своего литого кулака он валил с ног молодого быка. Хорошо помню, как он двумя пальцами раскалывал большой кусок комкового сахара, который и щипцами то трудно было раздробить.

Мой отец был офицером Вооруженных сил, поэтому мы мотались по всему Советскому Союзу и в Сибирь приезжали лишь в отпуск.

Наверное, дед в некотором смысле был деспотом. Его авторитет был непререкаем. За свой стол он приглашал не каждого, эту честь еще нужно было заслужить. Разумеется, сюда не входили общие праздники, такие как Новый год и т. п. Когда он говорил за столом, его никто не перебивал. Никогда не слышал, чтобы он на кого-то кричал. Мне казалось, что он вытесан из бетонной глыбы.

Дед почти не проявлял эмоций, был скуп на похвалы.

Лишь однажды я увидел слезы в его глазах, когда Кузьма Андреевич рассказывал, как рядом с ним умер от истощения грудной ребенок: у матери не было молока, когда дед вывозил ее из блокадного Ленинграда. В начале пути ребеночек покряхтывал, и дед просил женщину потеплее укутать его. К концу пути ребенок затих, оказалось, что он умер. Женщина даже не плакала, она сама была на грани голодной смерти, у нее не было сил на свое горе.

Когда я поступил в военно-морское училище, дед Кузьма стал называть меня Славка-краснофлотец. Я впервые увидел, что у этого, как мне казалось, «стального» человека доброе сердце и заботливая душа.

Еще с войны он очень уважал военных моряков, всегда говорил о них с какой-то гордостью. На третьем курсе военно-морского училища я получил право сидеть за одним столом с дедом Кузьмой, даже когда он вел серьезные разговоры с уважаемыми людьми. К таким, например, относился дальний родственник – командир Омского авиаотряда.

Дед обладал внутренней силой, словно он знал что-то такое, чего не знали другие. Даже едва знакомые люди сразу же признавали его авторитет и старались не перечить. Однажды во время каникулярного отпуска мы с мамой приехали погостить к ее сестре в Тавричанку. Я решил помочь матери и подработать на кирпичном заводе. В Тавричанке в начале 80-х годов на кирпичном заводе платили большие деньги, нужно было только не лениться и вкалывать.

Дед одобрил мое решение, и я отправился в отдел кадров совхоза. Директор, посмотрев мой военный билет, сказал, что не имеет права принимать на работу военнослужащих. Я возвратился домой несолоно хлебавши.

Дед, посмотрев на мой унылый вид, спокойно произнес: «Не дрейфь, Славка-краснофлотец, завтра поедем к директору вместе».

С утра он откуда-то вытащил галифе, надел свои парадные сапоги, сверху натянул чистый выходной пиджак с наградными планками, завел мотоцикл, и мы вместе отправились в совхозную контору.

Директор совхоза принял нас без очереди. Кузьма Андреевич сказал всего несколько слов, которые я хорошо запомнил: «Вот мой внук Славка-краснофлотец приехал в отпуск, хочет помочь мамке, его надо устроить на работу на кирпичный завод».

Из дальнейшего разговора я понял, что директору дед знаком как ветеран войны и не более того, коих в то время было немало в Тавричанке.

Руководитель советского хозяйства протянул мне чистый лист бумаги, продиктовал, как написать заявление, и дал указание начальнику отдела кадров оформить меня на работу. На следующее утро я уже катал вагонетки с глиняным сырцом.

Чтобы экономить время на дорогу, дед подарил мне велосипед.

Когда мой отпуск подходил к концу, я пришел попрощаться с Кузьмой Андреевичем (мы жили по соседству у маминой сестры). Дед неловко приобнял меня, чмокнул в щеку, похвалил за то, что не курю, и сказал: «Помогай мамке, береги ее».

Тогда я еще не знал, что это была наша последняя встреча с ним. Кузьма Андреевич умер через шесть лет. Господь подарил ему сравнительно длинную жизнь, хотя сам он в бога не верил.

Мне часто приходится слышать рассказы о поколении победителей. Но ведь то поколение – это люди, оказавшиеся в чудовищных условиях страшной войны. Они уходят от нас все дальше, их голоса слышны все слабее, лица из темноты времен становятся более размытыми. Для меня и голоса, и лица, и стать тех необыкновенных людей слились в одной мощной, коренастой фигуре моего деда-сибиряка. Его сила духа, бесстрашие и умение сострадать объясняет все и за всех.

Они по праву называются поколением победителей, и я угадываю их лица, всматриваясь в фотографию своего деда – Кузьмы Андреевича Зюбина.

P.S.

Когда у нас в доме появился телевизор, перед 9 Мая мама с нетерпением ждала показа кинохроники парада Победы, состоявшегося 24 июня 1945 года. Она всегда замирала, когда под барабанный бой советские солдаты бросали к подножию Мавзолея знамена и штандарты фашистской Германии. Наверное, это самая сильная по эмоциональному накалу часть кинохроники.

Не скрою, у меня до сих пор подкатывает комок к горлу при просмотре этой части киноленты – сильнее трудно что-либо придумать.

Так я полагал до тех пор, пока не увидел шествие бессмертного полка.

Мы, наследники поколения победителей, гордимся и помним, кому обязаны Победой.

Вячеслав Скалецкий